

НОРМА И ПАТОЛОГИЯ

ЭМИЛЬ ДЮРКГЕЙМ

Преступления совершаются не только в большинстве обществ какого-либо одного определенного типа, но во всех обществах всех типов. Не существует общества, не сталкивающегося с проблемой преступности. Ее формы меняются; деяния, квалифицируемые в качестве преступных в одном месте, не являются таковыми везде; однако всегда и повсюду есть люди, которые ведут себя таким образом, что это навлекает на них уголовное наказание. Если бы по мере того, как общество переходит от низших форм к высшим, уровень преступности, то есть соотношение между числом ежегодно совершаемых преступлений и количеством населения, обнаруживал тенденцию к снижению, можно было бы полагать, что преступность, оставаясь нормальным явлением, постепенно теряет этот характер. Однако у нас нет оснований считать, что такое снижение действительно происходит. Многие факты указывают скорее на наличие противоположной тенденции. С начала XIX столетия статистика позволяет нам следить за развитием преступности. Она повсюду возросла. Во Франции преступность выросла примерно на 300%. Нет никакого другого феномена, который обладал бы столь бесспорно всеми признаками нормального явления, ибо преступность тесно связана с условиями жизни любого коллектива. Допустить, что преступность представляет собой форму проявления социальной патологии, значило бы согласиться с тем, что патология не есть нечто случайное в жизни общества, а, напротив, в определенных случаях она вырастает из основной конституции живого организма; результатом этого было бы стирание всякого различия между физиологическим и патологическим. Нет сомнения, что сама по себе преступность может принимать ненормальные формы, как это имеет место, например, в тех случаях, когда ее уровень необычно высок. Такого

источник: «Rules of Sociological Method». Eighth, ed., Glenco, P. 65-73.

рода превышение нормы, безусловно, имеет патологический характер. Проще говоря, нормальным является само существование преступности при условии, что она достигает, но не превышает уровня, характерного для общества определенного типа; этот уровень, быть может, не невозможно установить*.

Здесь мы сталкиваемся с выводом, казалось бы, совершенно парадоксальным. Не будем впадать в ошибку. Относя преступность к явлениям нормальной социологии, мы вовсе не хотим сказать, что это неизбежное, хотя и вызывающее сожаление явление, обязанное своим существованием неискоренимому злонравию людей. Мы хотим подчеркнуть, что преступность является одним из факторов общественного здоровья, неотъемлемой частью всех здоровых обществ. На первый взгляд такое заключение поражает, и мы сами долгое время были озадачены этим. Однако как только это первое чувство проходит, нетрудно найти доводы, объясняющие, почему преступность следует отнести к числу нормальных явлений, и в то же время подтверждающие эту мысль.

Прежде всего, преступность — нормальное явление потому, что общество без преступности совершенно невозможно. Преступление совершается в совершении деяния, наносящего ущерб очень сильным коллективным чувствам. В обществе, в котором более не совершается преступлений, чувства, страдающие от преступлений, должны были бы обнаруживаться в индивидуальном сознании всех без исключения членов общества, и они должны были бы проявляться в той же степени, в какой проявляются противоположные им чувства. Если даже предположить, что такого рода условие может быть реализовано, то и в этом случае преступления не исчезнут; они только изменят свою форму, ибо та самая причина, которая устранил указанным образом источники преступности, немедленно создаст новые источники.

Действительно, для того, чтобы коллективные чувства, охраняемые уголовными законами нации в определенный период ее истории, овладели общественным сознанием, или для того, чтобы эти чувства приобрели большую силу там, где они недостаточны, они должны стать более интенсивными, чем это было раньше. Общество в целом должно испытывать

* Из того факта, что преступность представляет собой явление нормальной социологии, вовсе не следует, что преступник — это индивидуум, нормальный с биологической и психологической точек зрения. Это два независимых друг от друга вопроса, и это станет яснее ниже, когда мы покажем различие, существующее между биологическими и социологическими фактами.

эти чувства более напряженно, ибо ему неоткуда черпать большую силу, необходимую для контроля над лицами, которые раньше наименее поддавались воздействию. Для того, чтобы исчезли убийства, отвращение к пролитию крови должно стать большим в тех социальных слоях, из которых рекрутируются убийцы; однако прежде всего это отвращение должно с новой силой охватить все общество в целом. Более того, само отсутствие преступлений прямо содействовало бы появлению такого отвращения, ибо любые чувства, по-видимому, пользуются гораздо большим уважением, когда они уважаются всеми и повсюду.

Легко упустить из виду то обстоятельство, что этот высокий уровень общественного сознания не может быть достигнут указанным образом, если не усилится острота переживания тех более слабых чувств, нанесение ущерба которым ранее означало лишь нарушение обычая, ибо слабые чувства есть не что иное, как продолжение более сильных чувств, их более приглушенная форма. Так, хотя грабеж и простое проявление дурного вкуса ранят одно и то же альтруистическое чувство — чувство уважения к тому, что принадлежит другому, однако это чувство страдает от проявления дурного вкуса меньше, чем от грабежа; и поскольку, кроме того, среднее сознание не обладает интенсивностью, достаточной для того, чтобы остро реагировать на проявление дурного вкуса, к нему относятся с большей терпимостью. Вот почему за проявление дурного вкуса человека лишь порицают, в то время как за грабеж наказывают. Однако если это чувство усилится до такой степени, что заставит замолкнуть в сознании каждого мотивы, побуждающие человека к воровству, он станет более чувствителен к нарушениям, которые до этого лишь слегка затрагивали его. Люди станут тогда более энергично реагировать на такие нарушения; их будут считать более позорными, и это приведет к тому, что некоторые из таких нарушений из области моральных проступков перейдут в область деяний, характеризующихся как преступные. Например, неправомерные сделки или неправомерное исполнение сделок, что влечет за собой всего лишь общественное осуждение или возмещение убытков в порядке гражданского судопроизводства, станут преступлениями по закону.

Представьте себе общество святых, образцовый монастырь примерных индивидуумов. Преступления в собственном смысле слова здесь неизвестны; однако проступки, представляющиеся несущественными мирянину, вызовут тут точно такой же скандал, какой обычные преступления вызывают в обыч-

ных условиях. Если к тому же такое общество обладает властью судить и наказывать, оно определит такие деяния как преступные и будет относиться к ним соответствующим образом. По этой же причине безупречно честный человек осуждает малейшие свои промахи с той суровостью, какую большинство людей проявляет в отношении деяний, с большим основанием относимых к числу преступлений. В прежние время акты насилия над личностью встречались чаще, чем в наши дни, так как уважение к достоинству личности было не столь сильным. По мере усиления этого чувства такие преступления стали более редкими; вместе с тем в уголовный закон была введена ответственность за многие действия, посягающие на человеческое достоинство, которые не наказывались в уголовном порядке в прежние, примитивные времена*.

Для того, чтобы исчерпать все возможные гипотезы, следует, быть может, спросить, почему подобное единодушие не распространяется на все коллективные чувства без исключения. Почему даже самое слабое чувство не может обладать достаточной силой, чтобы предотвратить любое несогласие? Моральное сознание общества должно быть в целостном виде воплощено в индивидуальном сознании всех его членов и обладать силой воздействия, достаточной для того, чтобы предотвратить любые посягающие на него деяния — как мало-значительные нарушения, так и преступления. Однако такое универсальное и абсолютное единообразие совершенно невозможно; непосредственная физическая среда, окружающая каждого из нас, передаваемые по наследству качества и социальные влияния по-разному действуют на разных лиц, вследствие этого создают различия в сфере сознания. Люди не могут быть совершенно одинаковыми хотя бы потому, что каждый из них обладает своим собственным организмом и эти организмы занимают различные зоны в пространстве.

Следовательно, поскольку не может быть общества, в котором бы индивидуумы не отличались бы в большей или меньшей степени от среднего коллективного типа, постольку неизбежно, что среди такого рода отклонений существуют и отклонения преступного характера. Такой характер они приобретают не в силу каких-либо внутренне присущих данному деянию качеств, а в связи с определением, которое дает этому деянию коллективное сознание. Если общественное сознание становится сильнее, если оно обладает достаточным автори-

- Речь идет о клевете, оскорблении, обмане и т. д.

тетом, чтобы подавить эти отклонения, оно само становится вместе с тем более чувствительным, более взыскательным и, выступая против малейших отклонений с энергией, проявляемой до этого только в отношении более значительных нарушений, это сознание придает им столь же серьезное значение, какое раньше придавалось преступлениям. Другими словами, оно определяет их в качестве преступных.

Итак, преступность необходима; она прочно связана с основными условиями любой социальной жизни и именно в силу этого полезна, поскольку те условия, частью которых она является, сами неотделимы от нормальной эволюции морали и права.

Действительно, сегодня невозможно более оспаривать тот факт, что право и мораль изменяются с переходом общества от одного социального типа к другому; ни тот факт, что они эволюционируют в пределах общества одного и того же типа, если подвергаются изменениям условия жизни этого общества. Однако для того, чтобы эти трансформации были возможны, коллективные чувства, составляющие основу морали, не должны быть враждебны переменам, и, следовательно, должны обладать умеренной силой воздействия. Если они будут слишком сильны, они утратят гибкость. Каждая установившаяся система является препятствием для развития новой системы в той степени, в какой установившаяся система лишена гибкости. Чем более совершенна структура, тем больше проявляет она здорового сопротивления любым переменам: и это в одинаковой степени верно в отношении как внутренней, так и функциональной организации. Если бы не было преступности, это условие не могло бы быть выполнено, ибо такого рода гипотеза предполагает, что интенсивность коллективных чувств возросла до уровня, не имеющего примера в истории. Ничто не может быть хорошим безгранично и бесконечно. Сила воздействия морального сознания не должна быть чрезмерной, в противном случае никто не осмелится критиковать его и оно легко примет застывшую форму. Чтобы был возможен прогресс, индивидуальность должна иметь возможность выразить себя. Чтобы получила возможность выражения индивидуальность идеалиста, чьи мечты опережают время, необходимо, чтобы существовала и возможность выражения индивидуальности преступника стоящего ниже уровня современного ему общества. Одно нелепо без другого.

Но это не все. Помимо такой косвенной пользы, преступность сама по себе играет немаловажную роль в эволюции.

Преступность не только предполагает наличие путей, открытых для необходимых перемен, но в некоторых случаях и прямо подготавливает эти изменения. Там, где существуют преступления, коллективные чувства обладают достаточной гибкостью для того, чтобы принять новую форму, и преступление подчас помогает определить, какую именно форму примут эти чувства. Действительно, сколь часто преступление является лишь предчувствием морали будущего, шагом к тому, что предстоит! Согласно закона Афин Сократ был преступник, и его осуждение имело бесспорное основание. Однако вменяемое ему в вину преступление, а именно независимость мысли, послужило на благо не только человечеству, но и его собственной стране. Оно помогло сложиться новой морали и вере, в которой нуждались жители Афин, ибо традиции, в соответствии с которыми они жили до этого, не соответствовали более существовавшим условиям жизни. Случай с Сократом не единственный; такого рода случаи периодически повторяются в истории. Свобода мысли, которой мы пользуемся ныне, была бы невозможна, если бы запрещавшие ее правила не нарушались вплоть до того момента, когда они были торжественно отменены. Однако до этого нарушение этих правил считалось преступлением, ибо оно посягало на чувства, с особой силой переживавшиеся средним сознанием. И все же это преступление было полезно как прелюдия к реформам, которые с каждым днем становилось все более необходимыми. Либеральная философия имела своих предшественников в лице всякого рода еретиков, которые в силу закона наказывались гражданскими властями на протяжении всех средних веков и до начала нашей эпохи.

С этой точки зрения основополагающие факты преступности предстают перед нами в совершенно ином свете. В отличие от ходячих представлений, преступник уже не кажется нам совершенно непригодным для общества существом, своего рода паразитическом элементом, чуждым и враждебным организмом, введенным в среду общества*. Напротив, он играет определенную роль в социальной жизни. И само преступление уже нельзя понимать как зло, которое необходимо подавлять всеми возможными средствами. Если преступность падает заметно ниже среднего уровня, нам не с чем поздравить себя, ибо мы можем быть уверены в том, что такой кажущийся прогресс связан с определенной социальной дез-

* Мы сами совершили ошибку, называя такого рода лиц преступниками, потому что мы непоследовательно применили наш принцип (*Division du travail social*. P. 395—396).

организацией. Так, число нападений никогда не бывает столь низким, как во время нужды*. Падение уровня преступности влечет за собой пересмотр или необходимость пересмотра теории наказания. Если преступление действительно болезнь, то наказание за него является лекарством и не может пониматься иначе. Вследствие этого цель всех дискуссий, возникающих в связи с преступлением — это решить, каким должно быть наказание, способное выполнить роль лекарства. Если преступление вовсе не патология, то целью наказания не может быть излечение и подлинную функцию наказания следует искать в каком-то ином направлении.

* Хотя преступность — явление нормальной социологии, из этого не следует, что мы не должны питать к ней отвращения. Сама по себе боль нежелательна; человеку не нравится боль точно также, как обществу не нравится преступность, и все же боль — функция нормальной физиологии. Она не только вытекает из самой конституции любого живого организма, но и играет полезную роль в его жизни и поэтому не может быть устранена. Толковать нашу мысль как оправдание преступности значило бы грубо извратить ее. Мы не подумали бы о том, чтобы протестовать против такого понимания этих мыслей, если бы мы не знали, каким нелепым обвинениям и толкованиям подвергается тот, кто предпринимает объективное исследование моральных фактов и говорит о них в иных выражениях, чем те, которые употребляет непосвященный.